

2207

„ЗАПИСЧИК“ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

К 150-летию со дня рождения Н. С. Лескова

У него были основания утверждать, что «литератор» — «записчик, а не выдумщик, и где он перестает быть записчиком, а делается выдумщиком, там исчезает между ним и обществом всякая связь». В правдивой «записи» видел он свою главную творческую задачу, в зависимость от нее ставил свою роль в литературе. Какой же смысл вкладывал создатель «Левши» в понятие «записи», что он «записывал» по преимуществу, на что были направлены его слух и зрение?

В творчестве прозаика действительно есть произведения, написанные буквально по «конспектам» чужих воспоминаний, на основе прямой стенограммы. Примером может служить «Кадетский монастырь» — обработанный Лесковым рассказ бывшего кадета Г. Д. Похитонова. Многим образам писателя предшествовали реальные жизненные прототипы, а целый ряд его историй опирается на автобиографический материал, в частности на факты детства и юности, прошедших на Орловщине.

Творческим правилом прозаика становится «писать мемуаром». Его произведения во многом строятся как воспоминания о том, что произошло в прошлом. Причем и автор «пишет мемуаром», и герой рассказывает «мемуаром». Так разворачивается перед читателем судьба Ивана Северьяныча Флягина — «Очарованного странника», так повествует о своей «прекратительной жизни» Домна Платоновна — «Воительница».

Другим непеременимым правилом художника можно считать установку «писать живым словом». Он ориентируется на «живую речь», как будто только что схваченную на лету, в первой записи, необработанную, существующую в естестве и непосредственности устного общения. Писатель уверял, что язык его героев не «сочинен», а «подслушан у мужика, у полунинтелигента, у краснобаев, у юридических и святош».

Принцип «записи» преобладает и в общем отношении Лескова к действительности, к отбору фактов, характеров, сюжетов. Вот цикл рассказов о праведниках... Обращаясь, наверное, к анекдотической фигуре Шерамура, «героя брьюха», «чрева ради юридюбова», писатель не забывает о соблюдении «исторической точности». Он гордится: «Я его записал верно...».

Порой создается впечатление, что Лесков спорит со всей современной ему литературой, противопоставляя ей свое искусство «записи»: «Я буду рассказывать все это не так, как рассказывается в романах... — говорит он. — Меня к этому не вынуждает искусственная и неестественная форма романа... В жизни так не бывает. Жизнь человека идет как развивающаяся со скалки хартия, и я ее так просто и буду развивать лентой». Само строение лесковских сочинений подобно записи с голоса, изображению с натуры. Часто это рассказы бывалых,

«поживших» людей, и непременно, как не придумано, их течение, разворачивающееся с «отступлениями и рикошетами», «лентою, без апофеоза, даже без кульминационной точки». Как из рога избылиа сыплются на читателя «дивные истории и историйки», из одной матришки возникает другая, из разноцветных осколков складывается причудливая мозаика...

Вслушиваясь в голоса лесковских рассказчиков, мы в состоянии поверить, что эти люди на самом деле были встречены автором в жизни, повелили ему свои судьбы, а он только записал... Однако в действительности творчество писателя ни в коем случае не сводится к буквальному воспроизведению услышанного, к фотографии увиденного. Личный опыт у Лескова становится материалом искусства не больше, чем у других художников. Интересно превращение самого понятия «записи» в творческой истории «Левши», одного из самых лучших произведений прозаика. Автор сначала уверял всех, что «Сказ о косом Левше и стальной блохе» — «народная легенда», записанная им со слов старого тульского оружейника... Но потом Лесков неожиданно опроверг это и объяснил, что история полностью сочинена им. Понятие «записи» тем самым получает особый смысл: им прикрывается иногда вымышленность сочинения, но оно призвано удостоверить жизнеподобие рассказа. За иллюзией «записи» — усилие творческой фантазии, работа поэтического воображения.

«Художество» Лескова объединяет документальность непритворной записи и свободу выдумки, серьезность реального факта и озорство игры, включает в себя личные, характерный рассказ и анонимное, выражающее коллективную память преданье, историю бывшего человека и легенду о праведнике, лубок и икону, житие и анекдот.

«Толкующие», «мерекающие» мужики, повествующие о своей и чужой жизни чиновники, мещане, монахи, бродяги, интеллигенты в первом поколении — вот герои Лескова.

«Расскажите же нам, пожалуйста, вашу жизнь...», — обращаются к Ивану Северьянычу слушатели. Все герои Лескова этим и занимаются: рассказывают свою жизнь, а писатель помогает им осуществить это. Искусство Лескова — целое «головоуведение» с изощренными правилами и приемами. Рассказ должен зазвучать в характерном слове, жесте, интонации. Речь призвана представить человека вместе с той сферой жизни, которая с ним связана.

А при этом опять-таки язык Лескова не сводится к услышанному и записанному. Фейерверк, парад, натиск сочиненных и переименованных словесных обозначений в «Левше» — это не только расхожее слово народа, но и свободное слово художника. В «Сказе» автор сознательно

играет понятиями и их речевой формой, не только выражая простонародный взгляд на вещи, но и верша гуманную миссию настоящего искусства. Озорная, ироническая игра со словом осуществляет великую миссию освобождения читателя, настраивая его на независимую оценку жизненных явлений, на заинтересованное и активное участие в ходе истории, колебля слепую веру в правоту власть имущих. У мастерового с «щипаной» во время учебы головой, безмянно погибшего в неприветливой столице, находится могущественный союзник — художник со своим великим искусством. Поэтому, несмотря на трагизм судьбы русского умельца, победа в конце концов на стороне Левши и «записавшего» его образ прозаика.

Так, «записывая», Лесков разбирается в современной ему жизни, стенографируя, додумывает, дополняет, кладет в особую пропорции свет и тени. Повествование о Несмертельном Головане, которого старые орловцы в прошлом веке знали вживе, не случайно строится как анализ и развенчание обиходной, преувеличенной легенды: действительная жизнь героя, без страха входившего в дома умирающих от страшной эпидемии, выше и прекраснее придуманной легенды. Создавая образ праведника, Лесков предлагает читателю поразмыслить, в каком соотношении находятся нравственный подвиг и реальные условия, на чем основана душевная стойкость человека. И нельзя избежать серьезного раздумья, так как писатель с «секретарской» добросовестностью подвел нас к самой сути человеческого бытия.

Подлинность и многозначность лесковских страниц обеспечили им долгую службу. Сегодня особенно в цене документальная правда факта, достоверность свидетельского показания. Оказавшее огромное влияние на прозу начала XX века, сыгравшее большую роль в формировании таких советских прозаиков, как Л. Леонов, М. Пришвин, М. Зощенко, А. Платонов, творчество писателя нашло прямой отклик в современной нашей прозе. Правила его искусства — списывать с самой жизни, с «живого видения», а «не по шаблону», прослеживать выражение простого человека в слове, через судьбу чужака показывать народную судьбу — возобновились в произведениях В. Шукшина, В. Белова, наших прозаиков-«деревенщиков». Пример «записчика» Лескова не устаревает: именно настоящий художник с его заботой гуманиста, с его способностью говорить правду является самым пронципальным очевидцем действительных фактов, так как не только видит их и переживает, но и проникает в логику происходящего.

В. СВИТЕЛЬСКИЙ,
Кандидат филологических наук, доцент.
г. Воронеж.